

Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии

Е.Е. Сапогова

доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии Тульского государственного университета

Феномен нарративности в русле культурно-исторического подхода обоснован как фундаментальный компонент социального взаимодействия; предложено понимание процесса создания автобиографического нарратива как когнитивного наложения культурных прототипов и нарративных форм на цепочку индивидуальных жизненных случаев; знакомство развивающегося субъекта с текстами культуры представлено как один из ключевых аспектов культурного социогенеза; автонаррация рассмотрена как механизм самопонимания и самопостроения субъекта; описаны некоторые возможные типы автобиографических нарративов. Автобиографический нарратив, будучи рассказываемым и одновременно, в процессе рассказывания, считанным самим субъектом в качестве отчужденного продукта, снимает многозначность в пользу «здесь-и-теперь» творимого субъектом выбора и тем самым выполняет и когнитивные, и эмоциональные, и побудительные, и терапевтические функции. Конструирование автобиографии есть не только подытоживание того, что прожито, но и некоторая разметка, планирование будущего.

Ключевые слова: культурно-историческая концепция, взаимодействие, знак, значение, смысл, концепт, текст, контекст, нарратив, событие, автобиография, субъект, культурный социогенез.

В научной среде известен афоризм, согласно которому величие теории измеряется тем, сколь надолго она смогла затормозить появление новых идей в своей области. Но это «правило», как кажется, не вполне распространяется на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского: будучи не полностью эксплицированной во многих своих аспектах, а частью составляя лишь общие формулировки идей, она в течение многих лет служит порождающим источником для многих современных гуманитарных, в том числе и междисциплинарных, исследований, центром которых является изменяющийся во времени человек, пытающийся в процессе жизни схватить собственную сущность, самообъективироваться.

Исследования, позиционирующие себя как выготскианские, обычно представляют в качестве ключевых, ведущих начало от первоисточника, идей следующие положения:

взгляд на психику с точки зрения ее развития;
понимание высшей психической деятельности индивида как производной от социальной жизни;

представление о социальных и индивидуальных действиях субъекта как о знаково опосредованных феноменах. Последнее положение важно тем, что Л.С. Выготский предложил

рассматривать знаково-символические системы не просто с позиций их семантического анализа, но с позиций выполнения ими *посреднических функций*, с точки зрения того, как субъект использует знаково-символические средства в качестве медиатора своих действий или действий других. Стоит отметить, что при внимательном анализе понятия знаковой опосредованности в его работах «История развития высших психических функций», «Инструментальный метод в психологии», «Орудие и знак в развитии ребенка», «Мышление и речь» нельзя не почувствовать, что оно постепенно смещается к понятию *интерсубъективного реального поля*, что делает его актуальным для современных исследований.

Культурно-историческая концепция создавалась как попытка определить отношения в системе «субъект–среда» через категорию *социально-культурного контекста*. Л.С. Выготский обосновал идею, что структура и развитие психических процессов человека, в том числе его субъектности и субъективности, порождаются культурно опосредованной, исторически развивающейся практической деятельностью и природа внутренних процессов квазисоциальна. Одно из центральных и широко изучаемых понятий школы Л.С. Выгот-

ского — понятие взаимодействия. Оно определяется как осуществляемое через посредничество взрослых приобщение ребенка к знакам и знаковым системам как средствам построения способов культурного поведения, овладения человеком самим собой в процессе развития. Освоив знаковые системы, взрослеющий субъект использует их для понимания и интериоризации значений разнообразных культурных текстов, расшифровываемых с помощью знакомых ему знаковых систем, выработки личностных смыслов, а еще позже — для самостоятельного построения текстов-носителей персональных смыслов, которые могут быть целиком или фрагментарно размещены в пластах микрокультуры, субкультуры и даже большой культуры (по М.М. Бахтину), если они окажутся востребованными социумом, будут иметь значение для многих людей.

В работах Л.С. Выготского личностное становление человека представлено как творческий процесс обретения свободы и построения собственной самости по мере освоения орудий человеческой культуры в сотрудничестве с другими людьми (в том числе и обобщенными субъектами, чей опыт проживания жизни фиксирован в традиционных культурных артефактах). Мы разделяем высказанное В.Т. Кудрявцевым мнение, что значимость культурно-исторической концепции для современных исследований состоит не столько в обосновании знаково-символической детерминации человеческого сознания, сколько в попытках понять знак (символ) как *инструмент расширения сознания в культурно-историческую перспективу*, который не навязывается субъекту социумом, а с той или иной степенью самостоятельности *выбирается* им из культуры, осваивается, перестраивается и при необходимости создается самостоятельно [10]. Знак, символ, текст — всё это инструменты не просто присвоения культуры, но *личностного самоопределения человека в культуре*, расширения границ самого себя, выхода за свои пределы [13]. Их особенность как психических орудий состоит в том, что они двунаправлены — каждый из них обращен одновременно и к социокультурным реалиям (с их помощью человек пытается трансформировать окружающий мир, воздействовать на других), и к субъективности человека (они становятся средством субъективного преобразования внутреннего мира).

Идея овладения развивающимся субъектом самим собой через посредство знаковых систем и культурных артефактов, изучение механизмов идентификационных процессов и построения системы отношений «Я–Мир» активно развиваются в таких направлениях психологии, как психосемиотика, кросс-культурная (этническая), экзистенциальная, конструктивистская, нарративная психология. Культурно-исторический подход Л.С. Выготского оказался близок и современным исследованиям прагматики языка, анализу дискурсов и контекстов, изучению интертекстуальности. В последние годы, как кажется, все они в известном смысле реализуют символический лозунг «Назад к субъекту!», поскольку в центр исследовательского внимания помещается не предельно обобщенный, усредненный до неких значимых характеристик абстрактный субъект, а конкретный человек с его уникальным жизненным путем, субъективно найденными способами жизнеспособности, осмысления и упорядочивания жизненного опыта, обретенными смыслами существования и переживаниями. Интерес к самоописаниям жизненного пути, в свою очередь, рождает новые способы их психологического исследования и истолкования.

Одной из быстро развивающихся современных объяснительных парадигм является *нарративная психология*, суть которой в самом общем виде может быть отражена в следующих положениях:

культурные артефакты рассматриваются предельно широко — как повествовательные структуры (тексты) — *носители специфически человеческих значений и смыслов*, к которым в процессе социализации приобщается развивающийся субъект;

признается, что жизнь и отношения людей формируются культурно закрепленными повествованиями разного типа, усвоенными в процессе социализации; базовые концепты, сюжеты, мотивы, персонажи этих историй используются ими для осмысления, структурирования и описания собственного опыта, т. е. фактически *составляют основу организации содержания сознания и поиска смыслов существования*;

жизненный путь личности понимается как осмысленное целое, существующее для нее самой и для других в форме завершенной истории — *автобиографического нарратива* [22, 23]. Сторонники нарративного подхода предлагают считать нарратив универсальной харак-

теристикой любой культуры, поскольку все культуры аккумулируют и транслируют собственные символы, смыслы, ценности посредством текстов. При таком понимании разнообразные культурные тексты с фиксированными в них значениями становятся существенным элементом культурного социогенеза *как непрерывного «здесь и теперь» себя-творения*, независимо от того, в какой знаково-символической системе они представлены: вербальной – в форме литературных текстов или дискурсов – либо невербальной музыкальной, живописной, архитектурной и т. п.

Имеющийся в распоряжении каждого развивающегося субъекта набор текстов, созданных культурой, является неисчерпаемым, избыточным для масштабов отдельной жизни *семiotическим ресурсом* для идентификации, самоосмысления и самопрезентации. В этой функции выступают прежде всего «классические» литературные тексты, получившие в течение длительного времени максимально широкое распространение в культуре, к которой принадлежит субъект. Это сказки и фольклорные повествования, наставительные и религиозные тексты, классические произведения литературы и т. д., а также такие *мегатексты*, как Библия, значимые не для отдельной этнокультуры, а для больших мировых сообществ. В них метафорически фиксированы предельно обобщенные социокультурные программы и значения, способы специфически человеческого освоения реальности, накопленные предыдущими поколениями. В основном такие тексты усваиваются в процессах первичной социализации под влиянием микро- и макросоциальной среды. Они составляют основу классических хрестоматий, «золотых» сборников, школьных программ по литературе и т. д., поскольку на протяжении истории из них были выбраны и «канонизированы» так называемые «бродячие» (архетипические, если пользоваться терминологией К.Г. Юнга) сюжеты, несколько трансформирующиеся под влиянием времени, но не меняющие своей сути и всеобщей значимости. Когда Х.Л. Борхес говорит о том, что вся европейская литература вращается вокруг четырех вневременных, «странствующих» сюжетов (об обороне укрепленного города, о странствиях в поисках заветной цели, о возвращении героя домой после долгих путешествий и о самоубийстве Бога), он, конечно, более чем упрощает проблему, но он прав в том, что такие

тексты строятся вокруг «сильных», системообразующих точек человеческого бытия и замечают для каждого нового поколения временное поле жизни как бы «впрок». Такие обобщенные эпизоды любой жизни, существующие в форме бинарных оппозиций, как встречи и расставания, рождение и смерть, соединение и разлучение, геройство и трикстерство, преступление и наказание, грех и искупление, правда и ложь, добро и зло и т. д., должны быть фиксированы в разнообразных вариантах текстов как обобщенный человеческий опыт жизнесовладания, житнетворчества, поисков смыслов существования. Множество вариантов, воплощений определенных сюжетов, по сути, восходят к предельно обобщенным «когнитивным матрицам», фиксирующим эти «сильные» точки. Можно сказать, что тексты этого уровня содержат некие обобщенные ответы на вопросы, которые отдельный субъект еще и не задавал (а может, и вовсе не задаст), но, как полагает социум, эти вопросы *потенциально* могут встать перед ним (раз уж они перед кем-то когда-то уже вставали), и он должен быть вооружен неким арсеналом средств для их решения.

В этот ресурс входят также тексты, составившие такой же широкий «репертуар» для определенного этапа культурно-исторического развития социума, возрастных когорт и определенных экономических и идеологических условий. Поколение, воспитанное на классике, отличается от поколения, читающего постмодернистские тексты. Вряд ли стоит специально доказывать, что прочитать Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, А.П. Чехова, М. Булгакова и других и только затем – А. Солженицына, В. Пелевина, Б. Акунина и других и прочитать последних, совсем не будучи знакомым с первыми, значит, освоить разные ментальные пласты, проложить разные гипертекстовые тропы в освоении жизненного пространства. Тексты этого уровня обычно продукт вторичной социализации, результат моды, пропаганды, дань идеологии или современному субъекту социально-экономическим ситуациям и соответствующим им установкам. В них, вероятно, отстраиваются новые, пригодные для конкретных этапов и ситуаций способы адаптации к социокультурной действительности, некоторые из которых со временем могут стать «классикой» (к примеру, мужским идеалом Средневековья было рыцарское слу-

жение (Богу, королю, прекрасной даме), а современный образец, транслируемый массмедийными текстами и активно ассимилируемый молодым поколением, — криминализованный предприниматель, рвущийся к власти и пренебрегающий нравственностью).

Семиотический ресурс включает тексты, не являющиеся ни частотными, ни пропагандируемыми в доступном субъекту времени и слое культуры, но *персонально отобранные* им для самого себя в процессе взросления на том основании, что, с его точки зрения, они в большей или меньшей степени объективируют именно его собственные смыслы и переживания — их можно считать продуктами персонального культурного социогенеза зрелой личности. Здесь отбор текстов для самоидентификации и саморазвития максимально индивидуален, чего нельзя в полной мере сказать о предыдущих частях — там макро- и микросоциум в форме институтов социализации более активен, чем сам субъект, что позволяет известным текстам быть просто «навязанным» субъекту еще тогда, когда он сам не решает, отвечают они или нет на его вопросы к жизни.

Степень социализированности и зрелости субъекта принято связывать с определенной мерой языковой компетентности, ключевым компонентом которой является способность рассказывать и пересказывать разные истории с целью создать развивающемуся ребенку зону предпонимания окружающей реальности еще до того, как он станет способным осваивать ее самостоятельно. Таким образом, *текст (нарратив) выступает как фундаментальный компонент социального взаимодействия* на каждой ступени взросления, соединяющий субъекта с культурой, с другими людьми.

Все культуры имеют «излюбленный» (канонический) набор текстов, подлежащий обязательному транслированию от поколения к поколению и в своих фрагментах присутствующий в современных дискурсах и текстах через механизмы аналогии, ассоциации, аллюзии [16, 19]. Способность конкретного человека быть носителем культуры и, взрослея, становиться агентом социализации для следующих поколений неотделима от знания им значений ключевых для данной культуры текстов, в том числе вербальных повествований с их жанрами, сюжетами, персонажами [8]. Трансляция и управление присвоением смыслов и ценностей своей культуры — специальная задача системы

образования в любом обществе. Если часть транслируемых через тексты смыслов и ценностей утрачивается, изменяется, подменяется другими (в том числе и временными, ситуативно обусловленными), если снижается социальный контроль за обязательностью трансляции и усвоения определенного набора текстов с их концептами, постепенно меняется социокультурная сущность (системы ценностей, мировоззренческие ориентации, установки, типичные стратегемы и т.п.) следующих возрастных когорт и поколений данного общества.

Любой социум на каждой ступени взросления предоставляет всем членам значительный (избыточный) запас фабул, сюжетов, персонажей, которые в качестве образцов, «примеров» могут быть использованы для идентификации, построения «картины мира», системы отношений «Я–Мир» и организации индивидуальных событий жизни в истории. Существенную часть этого запаса (наиболее известные сказки, басни, пословицы и поговорки, истории, мифы, анекдоты и другое — так называемый «золотой запас мудрости») человек усваивает в процессах социализации на каждой возрастной ступени в качестве *прецедентных текстов* [2, 14, 15, 21], поэтому реальность, в которую он постепенно включается, оказывается для него предварительно размеченной неким общим «предзнанием» того, что в ней в принципе может происходить, какими способами люди совладают с ней, адаптируются к ее характеристикам, ведут себя в ряде ситуаций и т. д. Прецедентные тексты выполняют роль «линз»/стереотипов, сквозь которые ребенок начинает рассматривать мир; к тому же обычно эти тексты содержат столь сильные метафоры (жизни, смерти, взросления, служения, любви, веры и т. д.), что они напрямую адресуются бессознательному ребенку и потому воспринимаются им без специального осмысления и критики. Так, к примеру, Г.Л. Пермяков отмечал, что обычный человек старше 20 лет знает не менее 800 пословиц, поговорок, ходячих цитат, клишированных изречений и текстов, которые целиком или фрагментарно фиксируются в его сознании и включаются в воспринимаемые вновь или порождаемые им самим тексты в качестве инструментов «преображающего понимания».

Применяя по отношению к себе определенные социокультурные концепты в качестве инструментальных средств самопонимания, субъект пытается «расслышать» в читаемых

текстах смыслы своего существования, распознать собственную сущность, а создаваемые им тексты о себе, развернутые на основе лингвизированных и символизированных событий, отражают собственные усилия субъекта в самопостижении, самоинтерпретации, самопостроении. В связи с последним любопытны результаты эмпирического исследования Б. Беттельхайма, когда он попросил своих студентов записать содержание сказки, которая в детстве была для них самой важной, а затем перечитать эту сказку. Вместе с ними он с удивлением обнаружил, что содержание пересказанной истории при сравнении с «канон» в ряде случаев претерпело значительные трансформации: второстепенные персонажи и обстоятельства были восприняты как основные, сюжеты нескольких сказок компилировались в один, а важные детали получали противоположное осмысление [6, с. 7–10]. Вполне очевидно, что причина — в том, что субъект «вычитывает» из имеющихся текстов то, что нужно именно ему. Только будучи связанным с субъективными компонентами, текст обретает «подвижность», «анимизируется» и становится способным влиять на жизнь. Если представить себе гипотетическую ситуацию, в которой некий текст не способен ничего дать никакому субъекту, кроме сотворившего его, т. е. не отвечает ни на один экзистенциальный запрос извне, это будет означать «смерть текста», его отторжение культурой. Суть любых культурных артефактов (особенно музейных) состоит в том, что они имеют значение для людей, поэтому пуговица или прялка XV в., треуголка Наполеона, Розеттский камень или обрывок египетской ткани могут прожить века, а некоторые произведения литературы, живописи, музыки, архитектуры, театра и т. п. уже сразу после рождения — «живые трупы». Чтобы стать материалом культуры, текст должен быть читаемым хоть кем-то; он должен хранить в себе находящиеся в состоянии покоя до встречи с активностью читающего сознания потенциальные значения.

Уже с дошкольного возраста человек способен выступить не просто как читатель или слушатель, а как нарратор и автонарратор. По мере взросления посредством рассказывания историй о себе человек *конструирует самого себя как часть современного ему мира*. Со временем такие истории образуют в сознании субъекта «произведение в себе» [9] — автобиографический нарратив, выполняющий не только функ-

ции самоописания и самопрезентации, но и самопонимания, самопланирования (жизнетворчества). Таким образом, автобиография, рассказываемая в каждый определенный момент времени, выступает своеобразной «текстовой идентификацией жизни» [23], констатацией текущего момента самосотворения. Будучи же рассказанной не один раз, она становится своеобразным синтезом осознания/означивания и бытийствования конкретного субъекта [16], и сам субъект начинает верить, что его реальная жизнь протекала именно так, как он рассказывает о ней. Для характеристики и понимания автобиографии взрослого человека, как думается, вполне подходит современное понятие «гипертекст» [19].

Автобиографический нарратив являет собой субъективно упорядоченный живой опыт жизненного пути и содержит более или менее константную «ядерную» часть и постоянно обновляющуюся «периферию». Рассказывая о самом себе, субъект использует существующие в культуре нарративные формы (сюжеты, персонажи, темы, нарративные фигуры) сначала для упорядочивания и систематизации в сознании собственного опыта, «постановки» самого себя (по выражению М. Хайдеггера, «поставить» себя означает однажды «возникнуть-и-продолжиться», раскрывая себя), а позже — для самопроектирования. Диалогичный характер любого текста, его способность «оживать», анимизироваться при соприкосновении с читающим его сознанием, а также возможность пересказывать свои истории с ориентацией на слушателя создают своеобразный «испытательный полигон» для множества жизненных проектов, в которых субъект ищет и утверждает свою целостность, свое Я, свои смыслы (не случайно М. Вебер метафорически называл человека животным, висящим на сотканной им самим паутине смыслов).

Рассказать о себе — значит на время придать непрерывно текущему опыту некую рамочную форму — фреймы (М. Минский). Опираясь на выделенные Р. Бартом группы дискурсов [1]: метонимические (повествовательные), метафорические (лирическая поэзия, учительная литература) и энтимематические (научное письмо) — и консультативный опыт анализа автобиографических нарративов, мы можем говорить как минимум о нескольких эмпирически выделяемых способах организации повествования о своей жизни.

Констатирующий (описательный) способ наиболее распространен, им создается некая малоиндивидуализированная биография-схема, которая напоминает анкету для отдела кадров и содержит лишь систему шаблонных высказываний, мало отличающих одну биографию от другой: «Родился... закончил школу... поступил... закончил университет... работал...» и т. д. Авторским вкладом здесь является лишь включение минимальной детализации («в 1982», «школа № 1678», «с красным дипломом» и т. д.). Любопытно, что многие люди «советской закалки» могут рассказывать о себе только таким способом, используя при этом текстовые шаблоны, канцеляризмы («вступил в ряды», «состоял», «не привлекался», «принимал участие», «был отмечен» и т. д.). Это хорошо иллюстрировала выставка «Музей биографий. Русская провинция. XX век» в Проповском центре СПбГУ. Так, анализ темы «Языки чувств», основанной на юношеских дневниковых записях, на персональном освоении чувственной интимной риторики, обнаружил странную стереотипию высказываний молодежи советских времен об интимном, проговариваемую «заданность» отношений. Эту же особенность демонстрирует анализ темы «Любовь до гроба», базирующейся на интервью и воспоминаниях пожилых людей, тем «Скудость–достаток» (описывает советский провинциальный быт), «Отдел кадров», «Случай», «Дело жизни» (рассказы о провинциальных подвижниках). К примеру, тема «Скудость–достаток» является доминантной темой провинциального биографического дискурса, и личные успехи часто описываются через состояния голода–сытости, утраты–приобретения, благополучия–нужды и т. д. Индивидуальные повествования включают такие типичные сюжеты, как «потеря хлебных карточек», «первая зарплата», «первые штаны, юбка» (из мешковины, маминной шали, теткиной юбки), сюжеты о потере или внезапном приобретении вещей или пищи.

Эмоционально-метафорический (перформативный) способ — биография создается как описание (воспоминание и даже конструирование) «случаев» (лирических, комических, трагических, драматических), сопровождаемых переживаниями, оценками, вопросами; это «моделирование наяву» уже свершенных фрагментов жизни, их «воскрешение» и придание им смысла и значимости (может быть, большей, чем неким нормативным событиям, —

в индивидуальном текстовом измерении «закончил в школу», «выходил найденного на улице котенка», «поступил в студию рисования» и «в первый раз увидел море» могут быть равными по значимости событиями), их «усиление»: «помню, возле дома была огромная куча песка, с которой мы, ребяташки, с визгом съезжали вниз...», «на бульваре продавали колесики мороженого, вкус которого я помню до сих пор... это вкус моего детства», «во дворе росла огромная береза, которую, как я знал, посадил мой прадед... она и до сих пор там», «обожал первую учительницу...» и т. д.

Наставительный (дидактический) способ — жизнь излагается как притча или апокриф, как «завет», как «пример» (мужества, служения, терпения, достойной жизни, честной бедности и т. п.), имплицитно составляющий «гордость» рассказчика, и содержит выводы, нравоучительные высказывания, «моралите»: «я прожил трудную, но достойную жизнь», «я всегда старался жить по совести...», «горбатились всю жизнь, но себя не теряли», «дай бог каждому прожить вместе тридцать лет в любви и согласии».

Аналитико-телеологический (энтимематический) способ — биография строится как описание целенаправленного движения к некоей знаемой/незнаемой/постепенно открывающейся цели и содержит подробности выводов, принятия решений, создания планов, оценку достижений: «что мне было делать? Пришлось...», «если бы мои родители... то...», «я решил...», «я знал, что должен...», «чтобы выбраться из нашей провинции, мне было нужно...». Так описывают себя люди, желающие подчеркнуть, что они selfmade, что всем в жизни они обязаны самим себе.

Символический (аллюзивный, гипертекстовый) способ — в этом случае каждый автобиографический факт представляется не как значащий сам по себе, а как отражение некоего иного содержания, как неслучайный, наполненный смутно постигаемым смыслом знак («знак свыше», «мне голос был...») и рассматривается в контексте судьбы («круга людских судеб»), предназначения, жизней других людей и мира в целом, повторения «вечных историй» и т. д. Тогда герменевтически ориентированное повествование о типичных жизненных событиях (свадьбах, рождениях, смертях, геройских поступках, предательствах и др.) сопровождается намеками на их тайный смысл,

подлежащий расшифровке: «я родился в тот же день, что Иисус Христос», «в нашей семье все мужчины умирали в один и тот же день...», «мне не было иного пути, как...», «в день, когда мы женились, была страшная гроза...», «в нашей семье все знакомились через воду...» и т. д.

Как референциальный текст автобиография, конечно, может быть верифицирована, но, на наш взгляд, не это в ней главное — истории о себе рассказываются не столько для фиксации себя в пространстве и времени, хотя и это верно, сколько для отыскания своей подлинности, самообъективации. По мере взросления из осваиваемого социокультурного ресурса активный субъект все точнее отбирает именно то, что, с его точки зрения, имеет к нему непосредственное отношение, отыскивает в текстах культуры «сказанное ему и о нем», а также сам при необходимости творит такие тексты, пользуясь наложением культурных матриц на цепочки своих собственных жизненных происшествий. Так постепенно создается собственный внутренний «канон» (излюбленных и переживаемых как истинные концептов, текстов, сюжетов, персонажей, копинг-стратегий и т. д.), на основании которого осуществляется самоосмысление, самопостроение, само моделирование субъекта. Индивидуально отобранными текстами человек пользуется в дальнейшем как некоей виртуальной *меркой* для распознавания значений и построения смыслов того, что с ним происходит, для усмотрения в мире значимых фрагментов, для построения и реализации новых жизненных проектов.

Выстраивая автобиографический нарратив, субъект в качестве «диетического повествователя» сам называет, означает и придает смысл конкретным жизненным эпизодам, которые спроецировались в его личности, сам отвечает за «смысловые сгущения», «средоточия значимости» в точках-фокусах его текста. Единицей построения автобиографического нарратива принято считать *событие*, под которым мы предлагаем понимать отрефлексированное, сохранившееся в памяти и наделенное «насыщенным описанием» действие или случай, которые совершались, происходили или созерцались как происходящие на определенном отрезке пространства и времени жизни субъекта, в особенности если с ними было связано что-то важное для него. Событие может рассматриваться как *когнитивный конструкт*, играющий роль посредника, «медиума» между опытом и

языком, но строго не принадлежащий ни к опыту, ни к языку. Одновременно событие есть и *герменевтический инструмент* для преобразования недифференцированного континуума «сырых» данных опыта или воображения в вербальные структуры (в том числе метафоры), которые человек использует для того, чтобы говорить об опыте в своих повествованиях и таким образом его осмысливать, упорядочивать и транслировать [22, 11]. *Авторизованное* таким образом событие демонстрирует меру «присвоения» конкретным субъектом реально случившегося (жизненного опыта). Без этой нарративной, герменевтической активности субъекта, насыщающей события смыслами, трансформирующей значения в персональные смыслы, биографический текст был бы не чем иным, как перечнем застывших бинарных оппозиций (Ю.М. Лотман), и тогда о жизни нельзя было бы поведать *по-человечески, т. е. превращая действия во взаимодействия*.

Отметим, что событие далеко не всегда совпадает с нормативным жизненным фактом (родился, пошел в школу, поступил в университет, служил в армии, женился и т. п.), это может быть и сугубо субъективно отобранный фрагмент жизни, наполненный особым бытийным смыслом только для данного человека. Отдельные жизненные эпизоды насыщаются самим субъектом «избыточной значимостью» и начинают включаться в автобиографический текст, перестраивая его предшествующее содержание и «освещая» границы будущего. Наделение некоего действия или случая автобиографическим статусом, на наш взгляд, связано со следующим: субъект считает, что нечто произошло (т. е. событие случилось), если его экзистенциальная ситуация меняется так, что, пережив это, субъект уже не остается таким, каким он был до пережитого. И в этом смысле событие есть нечто, имеющее безвозвратно мгновенный, одновременный, а не длительный или повторяющийся характер (К. Поланьи): свершившись, оно непременно осознается как значимое, нерядовое явление.

Статус события (нарративный статус) придается действиям или случаям только самим субъектом. Сложность изучения автобиографических нарративов связана не столько со сложностью и комплексностью самого предмета и отсутствием надежных методов анализа, сколько с тем, что, пока длится его жизнь, субъект волен многократно перестраивать и переос-

мысливать совокупность составляющих ее событий, извлекая из них или конструируя для них всё новые и новые смыслы и контексты. И даже *post mortem* смыслы прожитого для окружающих совершенно неочевидны, несмотря на то что они могут опираться на дневниковые записи, фотографии, продукты творчества, персональный реликварий и прочие материальные свидетельства уже состоявшейся и завершенной жизни. Поэтому широкие обобщения в этой области не представляются достаточно надежными: сказать о ком-то, что он прожил жизнь ради чего-то или что его жизнь воплощала служение тому-то, значит, неоправданно взять на себя функции вторично опосредованной интерпретации. В этом смысле расшифровывать чужую биографию — всё равно что «читать манускрипт (в смысле «пытаться реконструировать один из возможных способов его прочтения») — манускрипт иноязычный, выцветший, полный пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев, но записанный не общепринятыми графическими знаками, обозначающими звуки, а мимолетными примерами социального поведения» [4, с. 17].

Жизненный опыт человека может быть определен как поток перекрывающих друг друга действий и случаев, образующих повседневное течение жизни субъекта и переживаемых как имеющих или не имеющих отношения к нему сегодняшнему и его дальнейшему существованию. События, в отличие от постоянно, непрерывно длящегося опыта, наделяются субъективной завершенностью (потенциально идентифицируемыми началами и концами) и именно за счет этого становятся носителями смыслов и представляют собой способы категоризации/метафоризации опыта. Автобиографические истории обрамляют жизненный опыт как совокупность *отобранных* действий и случаев. Субъект не хронист, фиксирующий в сознании эпизоды своей жизни в *момент* их протекания, а активный нарратор и интерпретатор, отбирающий факты из состоявшегося опыта по аналогии с известными подобными событиями, увязывающий их с уже осмысленным прошлым (формируя своеобразное «настоящее прошедшее») и «забрасывающий» извлеченные из них смыслы в будущее путем целеполагания (для своего дальнейшего «дления» в пространственно-временном континууме).

Воспользовавшись метафорой О. Хюсси «крест реальности» (соотносимой с понятием активной зоны сознания), отметим, что позиция автонарратора в коммуникации — в эпицентре четырех векторов: «назад–вперед» и «внутри–вовне» [3]. Всякий раз, выбирая слова для текущего самоописания, субъект *позиционирует себя во времени и пространстве* так, как он может это сделать «здесь-и-сейчас». Вектор «внутри» связан с постоянным осознанием присутствия реальности, лежащей за пределами субъекта и поставляющей непрерывный опыт. Вектор «вовне» фиксирует «внезаходимость» субъекта и одновременно демонстрирует постоянную готовность субъективного сознания транслировать свой информационный потенциал с целью ассимиляции новых фрагментов реальности и самопрезентации себя в качестве такого же фрагмента реальности, подлежащего познанию и переживанию. Вектор «назад» фиксирует необходимость увязывания новых ассимилированных единиц с имеющимся нарративным фондом. Опираясь на этот фонд, субъект создает новые референциальные связи и новые смыслы. Освоение человеческим сознанием своего опыта осуществляется через нахождение в культуре частичных аналогий между знакомыми и изложенными в имеющихся текстах событиями и событиями, совершающимися «здесь и теперь». Происходящее при этом соотнесение по аналогии может быть сопоставлено с *моделированием*, диапазон которого обеспечивается специальной ментальной операцией — *метафоризацией* (чаще — в функции субституции). Жизненная метафора есть результат когнитивного наложения культурного прототипа (матрицы, гештальта) на цепочку событий, происходящих с субъектом. Создавая метафоры для самого себя, субъект актуализирует вектор «вперед» и тем самым открывает, «распаковывает» пространство нового опыта.

Любые события значимы и несут автобиографическую ценность не сами по себе, а в контексте субъективного самоосознания, даже если внешнему наблюдателю события чужой жизни кажутся весьма существенными. Может быть, до «встречи» с индивидуальным сознанием жизненный опыт вообще не членим ни на какие события, а представляет собой недифференцированный континуум действия, чувствования, существования субъекта на определенном отрезке пространства и времени? Пока

человек жив, с ним все время что-то происходит, случается, но ведь не сами эти происшествия являются причиной его опыта, а осуществляемая самим субъектом своеобразная герменевтическая активность в форме соотнесения культурных значений и личностных смыслов происшедшего. Статусом автобиографических могут наделяться и вовсе отсутствовавшие в жизни субъекта, вымышленные события, «ложные воспоминания» [11] и откровенные фантазии — «квазижизни», «легенды о себе» [17, 18]. Эти последние оказываются «чистым продуктом» индивидуальной нарратизации, моментами субъективного «творения смыслов» из социокультурной ткани.

Как происходит отбор событий из текущего жизненного опыта? Вероятно, со временем некоторым жизненным случаям приписывается «избыточная значимость», дается «насыщенное описание» [4]. Придание «насыщенного описания» осуществляется за счет соотнесения происшедшего с некоторыми знаниями субъекта о возможных его значениях: так, поскользнувшись на банановой кожуре и упав, один человек расценит происшествие как конфуз, если некто посмеялся над ним, другой решит, что падение ниспослано ему в наказание, если перед этим он кого-то обидел, третий, если при падении он сломал ногу, будет считать, что всё в его жизни всегда свершается столь плохо и нелепо, что не сломать ногу, отправляясь на важное собеседование, он просто не мог (идея «злого рока»), а четвертый скажет, что это был «знак судьбы», потому что подавший руку человек впоследствии стал близким, и т. д. Без погружения в определенный социокультурный контекст физическое действие падения осталось бы просто падением.

«Насыщенное описание», сопровождающее превращение действия или случая в событие, указывает на специфический тип интеллектуальной деятельности (нарратизации), который мы связываем с *намеренным* наполнением значениями и смыслами того, что само по себе не является их носителем. Через эти «насыщенные описания» конкретные происшествия и переживания начинают значить для субъекта больше, чем это было на самом деле (до соприкосновения с пристрастностью индивидуального сознания) и связывать человека с другими людьми, с культурой общности. Вероятно, со временем такие «средоточия значимости» [24] могут превратиться в символическое отображение вообще всех событий в жизни [5].

Выстраиваемые автобиографические фреймы в известном смысле ограничивают бытийную подвижность субъекта, задавая ему на время вектор «дления». Мысли, переживания и фантазии о себе, отраженные в истории о себе, имеют самую низкую модальность, самую меньшую определенность и наиболее широкое поле возможностей, а реальное бытие человека, наоборот, имеет наивысшую модальность (действительность, возможность, необходимость), наиболее полную определенность и самую узкую область возможностей. Поэтому автобиографический нарратив, будучи рассказываемым (сотворяемым) и одновременно, в процессе рассказывания, считанным самим субъектом в качестве отчужденного продукта, снимает многозначность в пользу «здесь-и-теперь» творимого субъектом выбора и тем самым выполняет и когнитивные, и эмоциональные, и побудительные, и терапевтические функции.

Еще один момент, который мы считаем существенным для описания процесса автонарратизации, состоит в следующем: каждое ассимилированное в автобиографию событие создает на время своеобразную «когерентную волну», направленную по векторам «назад» и «вперед». Она позволяет переосмыслить события прошлого и определить пространство (смыслов, целей, замыслов), в котором какое-то время будет длиться человек. Это пространство «требует» от субъекта свершения таких новых событий, которые бы внутренне были связаны с упорядоченными предыдущими, лежали бы в их логике, объясняли, подтверждали и оправдывали бы их. В реальности это выступает как внутреннее согласие, признание субъектом того, что некие события *были/будут/должны случиться* в его жизни, и переосмысление окружающего его опыта как указывающего на то, что нечто, связанное теперь с пережитым событием, будет иметь место в дальнейшем. В этом смысле конструирование автобиографии есть не только подытоживание того, что прожито, но и некоторая *разметка, планирование будущего*.

Цепочки событий, отобранных в истории о себе, с течением жизни могут увязываться субъектом в *повествовательный мотив*, под которым мы понимаем процесс создания инвариантной семантической конструкции, центральной темы (идеи) жизнеописания, образующей ось, внутренний стержень рассказов о себе, построения жизненных сценариев и даже фикционных идей [20, 7]. Усмотренный мотив, раз

возникнув и повторившись в попытках осмыслить и упорядочить жизненный опыт, затем может полагаться субъектом как действующий и в иных жизненных событиях — как «ядерная» конструкция — и осмысляться как предназначение, как «знак судьбы» [16]. Главное, что делает его центральным жизненным мотивом для субъекта, — это реальная или кажущаяся его бесконечная репродукция в текстах субъекта о себе (своеобразная *самосимволизация* и самостабилизация), сопровождающаяся привычными переживаниями. Какой бы ни была автобиографическая история, способ переживания для субъекта всегда одинаков и с неизбежностью ведет его к постоянному поиску и повторению сходных ситуаций. Мир для каждого субъекта превращается в совокупность стереотипных переживаний, к которым постоянно присоединяются подходящие истории, похожие на собственные переживания. В этом смысле интересным является вопрос, существуют ли полностью готовые литературные структуры для автобиографий — описания способов достижения целей, путей успеха, со-владения со страданиями и т. д. с их наборами стратегем, которые можно использовать как схемы и подчинять им текущий опыт жизни. Повествовательные мотивы репрезентируют

субъективные смыслы и связывают автобиографические тексты в единое смысловое пространство личности.

Конструирование автобиографического нарратива, вероятно, может начинаться с первых всплесков осознания себя, но из множества реально совершаемых и претерпеваемых действий и случаев лишь некоторые фиксируются в автобиографии. А. Адлер, разрабатывая технику анализа ранних детских воспоминаний, может быть, одним из первых понял их значимость для последующего выстраивания жизненной стратегии и формирования прочных установок относительно самого себя и своих взаимоотношений с реальностью (самопрограммирование). Зафиксированное в автобиографии событие — это некая предельно сжато кодированная ментальная запись мгновенно свершившегося действия (случая), синкретичная по своей природе и требующая специальной интеллектуальной работы по ее обращению в слова, пересказыванию и объяснению. Произошедший с субъектом случай необратим во времени, его нельзя «отыграть назад», но словами и интерпретациями ему можно многократно придавать необходимые субъекту для дальнейшей жизни значения и смыслы.

Литература

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987.
2. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2000.
3. Варламов М.В. «Крест реальности» и вторичная номинация // Studia Linguistica-7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода. СПб., 1998.
4. Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004.
5. Делёз Ж. Логика смысла // Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum Philosophicum. М.; Екатеринбург, 1988.
6. Дикманн Х. Юнгианский анализ волшебных сказок. Сказание и иносказание. СПб., 2000.
7. Козловски П. Миф о модерне. Политическая философия Эрнста Юнгера. М., 2002.
8. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
9. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
10. Кудрявцев В.Т. К методологии исследования личности и личностного роста в культурно-истори-

ческой психологии // Московский семинар по культурно-исторической психологии, 2004. <http://www.tovievich.ru>.

11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
12. Нуркова В.В. Планирование прошлого: Автобиографическая память клиента как объект психотерапевтического воздействия // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2004.
13. Сапогова Е.Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника. Тула, 1993.
14. Сапогова Е.Е. Семейный нарратив как прецедентный текст для ребенка // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции «Социокультурная герменевтика: теоретико-методологическое обоснование в контексте развития толерантности» (Кемерово, 2002). Кемерово, 2002.
15. Сапогова Е.Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза // Индивидуальные и стилевые особенности личности. Ростов н/Д, 2002.
16. Сапогова Е.Е. Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и

субкультура личности // Известия ТулГУ. Сер. «Психология». 2003. Вып. 3.

17. Сапогова Е.Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании // Психологическая служба (Минск). 2003. № 2.

18. Сапогова Е.Е. Игры с самим собой: Я-метафоры в содержании индивидуальных нарративов субъекта // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М., 2004.

19. Сапогова Е.Е. «Psychocadabra»: субъективная «картина мира» как гипертекст // Известия ТулГУ. Сер. «Психология». 2004. Вып. 4.

20. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004.

21. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

22. Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к специальному курсу. Екатеринбург, 2002. http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.

23. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000.

24. Щирова И.А. Этот «бесконечно разветвленный психологизм» // Studia Linguistica-7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода. СПб., 1998.

The autobiographic narrative in the context of cultural-historical psychology

Ye. Ye. Sapogova

Ph. D., Professor,

Head of the Psychology Department of the Tula State University

The phenomenon of narration within the framework of cultural-historical approach is substantiated as a fundamental component of social interaction. The author suggests the understanding of the process of creation of autobiographic narrative as cognitive combination of cultural prototypes and narrative forms with the sequence of individual life episodes. The acquaintance of the developing subject with the texts of culture is presented as one of the key aspects of cultural sociogenesis. The autonarration is considered as the mechanism of self-understanding and self-creation of the subject. Several possible forms of autonarration are listed. The autobiographic narrative, simultaneously told (created) by the subject and read by him/herself as an alienated product, surpasses the polysemy in favor of the subject's choice made here and now, and thus accomplishes emotional, motivational, cognitive and therapeutic functions. The construction of autobiography is not only summarizing the past, but also some planning of the future.

Keywords: cultural-historical theory, interaction, sign, meaning, concept, text, context, narrative, event, autobiography, subject, cultural sociogenesis.

References

1. Bart R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvoval'nyh tekstov // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. M., 1987.

2. Bogdanov K.A. Povsednevnost' i mifologiya. Issledovaniya po semiotike fol'klornoj deistvitel'nosti. SPb., 2000.

3. Varlamov M.V. «Krest real'nosti» i vtorichnaya nominaciya // Studia Linguistica-7. Yazykovaya kartina v zerkale semantiki, pragmatiki i perevoda. SPb., 1998.

4. Girc K. Interpretaciya kul'tur. M., 2004.

5. Delez Zh. Logika smysla // Delez Zh. Logika smysla. Fuko M. Theatrum Philosophicum. M.; Ekaterinburg, 1988.

6. Dikmann H. Yungianskii analiz volshebnyh skazok. Skazanie i inoskazanie. SPb., 2000.

7. Kozlovski P. Mif o moderne. Politicheskaya filosofiya Ernsta Yungera. M., 2002.

8. Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M., 2003.

9. Kristeva Yu. Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki. M., 2004.

10. Kudryavcev V.T. K metodologii issledovaniya lichnosti i lichnostnogo rosta v kul'turno-istoricheskoi

psihologii // Moskovskii seminar po kul'turno-istoricheskoj psihologii, 2004. <http://www.tovievich.ru>.

11. *Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metafori, kotorymi my zhivem. M., 2004.

12. *Nurkova V.V.* Planirovanie proshlogo. Avtobiograficheskaya pamyat' klienta kak ob'ekt psihoterapevticheskogo vozdeistviya // Vtoraya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po ekzistencial'noi psihologii: Materialy soobshenii / Pod red. D.A. Leont'eva. M., 2004.

13. *Sapogova E.E.* Rebenok i znak. Psihologicheskii analiz znakovo-simvolicheskoi deyatel'nosti doskol'nika. Tula, 1993.

15. *Sapogova E.E.* Semeinyi narrativ kak precedentnyi tekst dlya rebenka // Sociokul'turnaya germenevtika: problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Sociokul'turnaya germenevtika: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie v kontekste razvitiya tolerantnosti» (Kemerovo, 2002). Kemerovo, 2002.

15. *Sapogova E.E.* Mikrosocium sem'i i semeinyi narrativ kak psihologicheskaya osnova kul'turnogo sociogeneza // Individual'nye i stilevye osobennosti lichnosti. Rostov n/D., 2002.

16. *Sapogova E.E.* Zhizn' i sud'ba: postroenie individual'noi mifologii, samoproektirovanie i subkul'tura lichnosti // Izvestiya TulGU. Seriya «Psihologiya». 2003. Vyp. 3.

17. *Sapogova E.E.* «Legendy o sebe»: k probleme interpretacii lichnostnyh mifologem vzroslyh v psihologicheskom konsul'tirovanii // Psihologicheskaya sluzhba (Minsk). 2003. № 2.

18. *Sapogova E.E.* Iгры s samim soboi: Ya-metafori v sodержanii individual'nyh narrativov sub'ekta // Vtoraya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po ekzistencial'noi psihologii: Materialy soobshenii. M., 2004.

19. *Sapogova E.E.* «Psychocadabra»: sub'ektivnaya «kartina mira» kak gipertekst // Izvestiya TulGU. Seriya «Psihologiya». 2004. Vyp. 4.

20. *Silant'ev I.V.* Poetika motiva. M., 2004.

21. *Slyshkin G.G.* Ot teksta k simvolu. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M., 2000.

22. *Trubina E.G.* Narratologiya: osnovy, problemy, perspektivy: Materialy k special'nomu kursu. Ekaterinburg, 2002 http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.

23. *Henningsen Yu.* Avtobiografiya i pedagogika. M., 2000.

24. *Shirova I.A.* Etot «beskonechno razvetvlenyi psihologizm» // Studia Linguistica-7. Yazykovaya kartina v zerkale semantiki, pragmatiki i perevoda. SPb., 1998.